

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 159.9

Об эффекте расщепления полюсов когнитивных стилей: двадцать лет спустя*

М. А. Холодная

Институт психологии РАН,
Российская Федерация, 129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Для цитирования: Холодная М. А. Об эффекте расщепления полюсов когнитивных стилей: двадцать лет спустя // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15. Вып. 1. С. 35–50. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2025.102>

Исследования в области когнитивных стилей сталкиваются с целым рядом противоречий. На наш взгляд, их причина — психологическая неоднозначность показателей когнитивных стилей. Нами была разработана квадрипольная модель когнитивных стилей, согласно которой полюса каждого из них «расщепляются» на два субполюса, которые скрывают радикально разные механизмы психической деятельности. Таким образом, когнитивный стиль — это не bipolarное, а квадрипольное измерение. Согласно этой модели, на каждом стилевом полюсе представлены две латентные субгруппы, которые можно выделить на основе соотношения стилевых показателей — основного и дополнительного, при этом одна из субгрупп является продуктивной, а вторая — непродуктивной. Соответственно, в рамках одного когнитивного стиля теоретически ожидаемым является наличие четырех субгрупп (две из них — продуктивные, две — непродуктивные). Задача данной статьи: проанализировать результаты исследований эффекта расщепления полюсов основных когнитивных стилей за последние 20 лет, с тем чтобы оценить перспективы квадрипольной модели. Исследования двух последних десятилетий подтверждают существование эффекта расщепления полюсов всех основных когнитивных стилей (импульсивность/рефлексивность, полезависимость/поленезависимость, узкий/широкий диапазон эквивалентности, ригидность/гибкость познавательного контроля, когнитивная простота/сложность, абстрактная/конкретная концептуализация). Эффект расщепления обнаруживает себя в значимых различиях между представителями стилевых субгрупп — в интеллектуальной и личностной сферах, а также в возрастных, образовательных и клинических проявлениях.

* Исследование выполнено по госзаданию № 0138-2024-0016 «Интеллектуальные системы и способности человека».

Таким образом, во-первых, можно говорить о психологической неоднородности полюсов когнитивных стилей, поскольку за одним и тем же количественным показателем скрываются разные механизмы психической деятельности (соответственно, в современных стилевых исследованиях необходимо учитывать гетерогенность выборки и ограничения в использовании линейных методов обработки данных). Во-вторых, на каждом стилевом полюсе представлены и продуктивные, и непродуктивные субгруппы, наличие и соотношение которых определяются индивидуальными различиями в способности к непроизвольному контролю процессов переработки информации.

Ключевые слова: когнитивный стиль, эффект расщепления, стилевые субгруппы, мета-когнитивные способности, непроизвольный контроль.

Введение

После появления нового понятия «когнитивные стили» (далее КС), выделения разных их видов и разработки методик их диагностики (1960–1970-е гг.) появилось большое количество исследований, ориентированных на анализ разных КС (1970–1990-е гг.). Однако с 2000-х гг. интерес к КС начал постепенно снижаться. В последние годы исследования КС и в отечественной, и в зарубежной психологии единичны, при этом они, как правило, имеют прикладной характер. Иными словами, к настоящему времени целая область исследований фактически исчезла. Возникает вопрос: почему это произошло? Дело, конечно же, не только в моде (хотя мода в науке действительно существует), но прежде всего в критических противоречиях стилевого подхода, которые все более отчетливо проявлялись в этой области (Kozhevnikov, 2007; Moskvina, Kozhevnikov, 2011; Волкова, Гусев, 2016; Холодная, 2002; Холодная, 2018; Cools, 2009; Peterson et al., 2009; Толочек, 2013).

Выделим ключевое, с нашей точки зрения, противоречие, обрушившее стилевой подход и связанное с неоднозначностью связей показателей КС с продуктивными аспектами психической деятельности. С одной стороны, одним из оснований стилевого подхода являлось утверждение о том, что КС не связаны с проявлениями продуктивности (в интеллектуальной, личностной либо социально-психологической сферах), поскольку оба полюса КС равнозначны по своим ресурсным возможностям. С другой — результаты эмпирических исследований свидетельствовали, что именно определенные полюса КС (такие как поленезависимость, рефлексивность и т. д.) сопряжены с успешностью интеллектуальной деятельности и сформированностью позитивных качеств личности. С третьей — связи стилевых и продуктивных показателей, казалось бы, имели место, но в разных исследованиях на разных выборках сила этих связей менялась вплоть до их исчезновения.

Нами был предложено объяснение этого противоречия: его причина — психологическая неоднозначность показателей КС. Была разработана квадрипольная модель, согласно которой полюса каждого КС «расщепляются» на два субполюса, скрывающие радикально разные механизмы психической деятельности. Таким образом, КС — это не биполярное, а квадрипольное измерение. Согласно этой модели, на каждом стилевом полюсе представлены две латентные субгруппы, которые можно выделить на основе соотношения стилевых показателей — основного и дополнительного, при этом одна из субгрупп является продуктивной, а вторая — непродуктивной. Соответственно, в рамках одного КС теоретически ожидаемым является наличие четырех субгрупп (две из них — продуктивные,

две — непродуктивные) (Холодная, 2002; Холодная, 2018). В зависимости от специфики выборки возможно уменьшение (либо увеличение) количества субгрупп.

Впервые представление о квадрипольной природе КС было сформулировано и обосновано 20 лет назад (Холодная, 2002). Задача данной статьи — проанализировать результаты эмпирических исследований эффекта расщепления полюсов основных КС за последние 20 лет, с тем чтобы оценить перспективы квадрипольной модели.

Анализ

Ниже представлены результаты исследований по отдельным КС с указанием критерия выделения стилевых субгрупп (по медиане либо на основе кластерного анализа)¹. Следует принять во внимание, что при использовании медианного критерия всегда выделяются четыре субгруппы, тогда как кластерный анализ более точно выявляет реально существующие субгруппы с учетом возможности выпадения той или иной субгруппы.

Импульсивность/рефлексивность. Когнитивный стиль «импульсивность/рефлексивность» (далее И/Р) измеряется тестом «Сравнение схожих рисунков» Дж. Кагана (J. Kagan). Основной показатель — латентное время первого ответа; дополнительный показатель — общее количество ошибок. Теоретически ожидаемые субгруппы: медленные/точные (рефлексивные), медленные/неточные, быстрые/точные, быстрые/неточные (импульсивные).

Выявлены различия в успешности мнемической деятельности представителей стилевых субгрупп (кластерный анализ) в выборке взрослых (35–40 лет): представители быстрой/точной и рефлексивной субгрупп по сравнению с импульсивной и медленной/неточной субгруппами более успешно запоминают простой и сложный материал и обнаруживают более высокую скорость процесса запоминания. Более того, в указанных субгруппах различны операциональные механизмы запоминания: в первых двух продуктивных субгруппах отдаётся предпочтение механизмам схематизации и структурирования, тогда как в двух непродуктивных — механизмам группировки, опорного пункта и перекодирования (Дюпина, 2015).

При изучении интеллектуальной продуктивности в выборке школьников (12–13 лет) были выделены четыре субгруппы (медианный критерий), которые сравнивались по показателям полезависимости/поленезависимости, пространственных способностей и g-фактора (текущего интеллекта) (Rozencwajg, Corroyer, 2005). Медленные/точные (рефлексивные) и быстрые/точные по сравнению с быстрыми/неточными (импульсивными) и медленными/неточными оказались поленезависимыми ($p < 0,001$) и имели более высокие показатели g-фактора ($p < 0,001$). Авторы делают, казалось бы, неожиданный вывод о том, что «быстрая/точная группа была похожа на рефлексивную группу, тогда как медленная/неточная группа была похожа на импульсивную группу» (Rozencwajg, Corroyer, 2005, p. 458–459). То есть лица, находящиеся на противоположных полюсах измерения «когнитивный темп», тем

¹ Обсуждаются результаты исследований отечественных авторов, так как в зарубежных исследованиях феномен расщепления стилевых полюсов не представлен (исключение составляют единичные работы по импульсивности/рефлексивности в силу изначального выделения в рамках этого КС четырех субгрупп).

не менее оказались сходными между собой по характеристикам интеллектуальной сферы.

Связи И/Р с креативностью изучались на выборке студентов (18–20 лет). При выделении субгрупп (медианный критерий) медленные/точные (рефлексивные) студенты значимо отличались от медленных/неточных по такому показателю креативности, как разработанность ($p < 0,05$). Кроме того, медленные/точные студенты демонстрировали высокую (69,5 %) и среднюю (30,5 %) академическую успеваемость, тогда как медленные/неточные — низкую (100 %). В свою очередь быстрые/точные показали высокую (62 %) и среднюю (32 %) успеваемость, тогда как быстрые/неточные — среднюю (53 %) и низкую (39 %) (Кибальченко и др., 2017).

Аналогично такие показатели креативности, как гибкость и разработанность, значимо выше у быстрых/точных по сравнению с быстрыми/неточными (импульсивными). Медленные/точные (рефлексивные) существенно превосходили медленных/неточных по показателю разработанность (Вакарев, 2015).

При изучении связей И/Р с тревожностью на выборках младших школьников (8 лет) и подростков (12 лет) в целом связи тревожности со скоростью принятия решений (когнитивным темпом) не обнаружены. При выделении и сравнении субгрупп (медианный критерий) картина связей выглядела уже по-другому. В выборке 8 лет среди тревожных испытуемых преобладали быстрые/неточные (импульсивные) дети, тогда как среди эмоционально благополучных — быстрые/точные и медленные/точные. В выборке 12 лет среди тревожных подростков преобладали быстрые/неточные (импульсивные) и медленные/неточные, тогда как среди эмоционально благополучных подростков — медленные/точные (рефлексивные) (все различия значимы на уровне $0,001 < p < 0,01$). Автор делает вывод, что личностная тревожность связана с непродуктивными вариантами КС — быстрым/неточным (импульсивным) и медленным/неточным способами переработки информации (Жердева, 2005).

Представители стилевых субгрупп (медианный критерий) в рамках студенческой выборки (18–20 лет) различаются по своим личностным диспозициям. Так, ситуационизм (склонность выносить моральные суждения на основе учета контекста конкретного поступка) характерен для медленных/точных (рефлексивных) и быстрых/точных студентов. Абсолютизм (склонность следовать твердым универсальным этическим принципам) характерен для медленных/точных (рефлексивных) студентов. Быстрые/точные — единственная категория респондентов, не представленная носителями экспекционизма (склонность признавать возможность исключений по отношению к моральной норме, если они утилитарно полезны). В свою очередь быстрые/неточные (импульсивные) студенты значимо чаще обнаруживают склонность к субъективизму (склонность выносить моральные суждения в соответствии с собственными интересами) (Лобанов, Процко, 2022).

При изучении базисных убеждений в выборке студентов (17–22 года) выделились три субгруппы (кластерный анализ) (выпадение субгруппы медленных/неточных, видимо, обусловлено высоким образовательным статусом респондентов). Сравнение субгрупп показало, что быстрые/точные отличаются от быстрых/неточных (импульсивных) по показателю «Справедливость» ($p < 0,05$), то есть у импульсивных субъектов преобладает убеждение в несправедливости окружающего мира, что, по мнению авторов, связано с фрагментарностью их восприятия и, как следствие, с когнитивными искажениями в оценке действительности (Юртаева, Глуханюк, 2012).

Эффект расщепления полюсов И/Р проявляется по отношению к реально ориентированной профессиональной деятельности. В частности, в выборке предпринимателей (по сравнению с контрольной выборкой лиц, не занимающихся предпринимательской деятельностью) зафиксировано расщепление полюса импульсивности на импульсивных и быстрых/точных. В группе предпринимателей преобладают испытуемые, относящиеся к продуктивной субгруппе быстрые/точные (90 %), что обусловлено необходимостью принимать правильные решения в условиях дефицита времени (Васина, Харитонов, 2014).

Полезависимость/поленезависимость. Когнитивный стиль полезависимость/поленезависимость (далее ПЗ/ПНЗ) измеряется тестом «Включенные фигуры» Г. Уиткина (H. Witkin). Основной показатель — среднее время обнаружения простой фигуры в сложной; дополнительный показатель — коэффициент имплицитной обучаемости как мера прироста эффективности поиска простой фигуры в сложной во второй половине методики по отношению к ее первой половине. Теоретически ожидаемые субгруппы: мобильные ПНЗ, фиксированные ПНЗ, мобильные ПЗ, фиксированные ПЗ.

Показатели скорости запоминания простого и усложненного материала выделенных четырех субгрупп (кластерный анализ) позволяют утверждать, что мемические способности мобильных ПНЗ эффективнее, чем у представителей других субгрупп, включая фиксированных ПНЗ (Черемошкина, Дюпина, 2013).

При изучении феномена уверенности выяснилось, что уверенность в своих действиях при решении сенсорной задачи и уверенность в себе выше у мобильных ПНЗ (но не у фиксированных ПНЗ) (Головина, Скотникова, 2010). Подчеркивается, что именно «мобильные испытуемые, причем как ПЗ, так и ПНЗ, уверенное ориентируются в новых условиях. То есть способность к обучению (мобильность) в большей степени способствует формированию уверенности, чем сам факт полезависимости» (Головина, Скотникова, 2010, с. 77).

Анализ соотношения ПЗ/ПНЗ с толерантностью к неопределенности позволил зафиксировать расщепление полюса ПНЗ (кластерный анализ): фиксированные ПНЗ по сравнению с мобильными ПНЗ имели более высокие показатели толерантности к неопределенности (Юртаева, 2011; Юртаева, Глуханюк, 2012). По мнению автора, высокая скорость структурирования в сочетании с игнорированием контекста является «латентным проявлением интолерантности к неопределенности, значение которых — предотвращение опасений и защита от неожиданностей» (Юртаева, 2011, с. 216).

В качестве подтверждения данного вывода выступают результаты исследования связей ПЗ/ПНЗ с психологическими защитами в студенческом возрасте. Было выделено три субгруппы (кластерный анализ): мобильные ПНЗ, фиксированные ПНЗ, мобильные ПЗ (субгруппа фиксированные ПЗ в данной выборке выпадает, что объясняется спецификой возраста и высоким образовательным статусом респондентов). Фиксированные ПНЗ в сравнении с мобильными ПНЗ предпочитают использовать защитный механизм «Вытеснение» ($p < 0,05$), что соответствует их нечувствительности к контексту (Алексапольский, 2007).

В выборке взрослых женщин (26–52 года) у мобильных ПНЗ сравнительно с фиксированными ПНЗ значимо выше уровень конструктивной («здоровой») агрессии, причем именно в этой субгруппе ее показатели принимают максимальные

значения. Одновременно у мобильных ПНЗ презентация «Я — Другой» принимает максимальные значения, тогда как у фиксированных ПНЗ — минимальные (Каменецкая, Ребеко, 2015).

Необычный вариант расщепления полюса ПНЗ удалось получить при сопоставлении показателей ПН/ПНЗ с уровнем целеустремленности на выборке студентов (19–25 лет) (Богомаз, 2011). Характерно, что по выборке в целом корреляционный анализ продемонстрировал наличие значимой отрицательной корреляции между показателями ПЗ/ПНЗ и целеустремленности. Из этого факта, казалось бы, следует странный вывод о том, что ПНЗ молодые люди отличаются пессимизмом и нежеланием ставить цели в жизни. Однако далее по соотношению показателей ПЗ/ПНЗ и целеустремленности были выделены четыре субгруппы (критерий средних значений). Выяснилось, что ПНЗ молодые люди, отличающиеся низкой целеустремленностью, характеризуются низкой коммуникативной и общей активностью, негативными базисными убеждениями, низкими самооценкой и самопринятием, высоким эмоциональным дискомфортом. Альтернативная картина наблюдалась и на полюсе ПЗ: ПЗ молодые люди с высокими уровнем целеустремленности имели значительно более высокие показатели позитивных личностных качеств по сравнению с ПЗ молодыми людьми с низким уровнем целеустремленности. Таким образом, налицо эффект расщепления полюсов ПЗ/ПНЗ, но уже на основании не внутреннего критерия (имплицитной обучаемости как индикатора непроизвольного контроля), а внешнего (целеустремленности как индикатора произвольного контроля).

Узкий/широкий диапазон эквивалентности. Когнитивный стиль «узкий/широкий диапазон эквивалентности» (УДЭ/ШДЭ) измеряется методикой «Свободная сортировка слов» (модификация теста «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера (R. Gardner), разработанная В. Колгой). Основной показатель — количество выделенных групп; дополнительный показатель — коэффициент категоризации как показатель меры обобщения оснований выделенных групп (категориальное либо тематическое основание). Теоретически ожидаемые субгруппы: на полюсе широты диапазона эквивалентности — категоризаторы и глобалисты, на полюсе узости диапазона эквивалентности — дифференциаторы и детализаторы.

При изучении эффективности мнемических способностей зафиксированы следующие различия в субгруппах (клUSTERНЫЙ анализ): показатели категоризаторов и дифференциаторов значимо превышают аналогичные показатели представителей других субгрупп. Более того, 63 % категоризаторов и 100 % дифференциаторов отличаются четвертым (высшим) уровнем развития мнемических способностей. Кроме того, статистически значимые различия в успешности запоминания получены между субгруппами категоризаторов и глобалистов (Дюпина, 2015).

В выборке представителей юношеского возраста (17–18 лет) субгруппы категоризаторов и дифференциаторов (клUSTERНЫЙ анализ) характеризовались низким и средним уровнями тревожности, высоким и средним уровнями эмпатии, тогда как субгруппы глобалистов и детализаторов — высоким уровнем тревожности, низким и средним уровнями эмпатии (Дюпина, 2021). Здесь мы снова сталкиваемся с ранее описанным явлением: лица, находящиеся на разных полюсах стилевой шкалы, оказываются тем не менее сходными по особенностям эмоциональной сферы.

В выборке активных пользователей интернета (в течение 3–6 часов в течение суток) преобладали категоризаторы и дифференциаторы (представители

продуктивных стилевых субгрупп), тогда как в выборке «патологических» пользователей интернета (9–12 часов в течение суток) — детализаторы (представители непродуктивной стилевой субгруппы) (Дюпина, 2022).

Неожиданный вариант расщепления полюсов этого КС получен при изучении точности понимания текста: рассматривалось соотношение показателя «Количество групп» при сортировке слов (мало/много) и показателя скорости осознания сюжета текста (медленно/быстро) как внешнего критерия (Ткачева, 2014). Наибольшую точность в осознании сюжетов текстов при дефиците времени показали синтетики/медленные и аналитики/быстрые, причем именно эти две субгруппы респондентов оказались более обучаемы (к концу эксперимента скорость и точность осознания сюжета у них увеличиваются). Напротив, синтетики/быстрые (в этом случае можно говорить о глобальном восприятии текста в сочетании с импульсивным реагированием) и аналитики/медленные (детализация восприятия текста в сочетании с затрудненным пониманием) демонстрировали низкую точность и низкую обучаемость в процессе осознания сюжетов.

Ригидность/гибкость познавательного контроля. Когнитивный стиль «ригидный/гибкий познавательный контроль» (далее Р/Г) измеряется методикой «Словесно-цветовая интерференция» Дж. Струпа (J. Stroop). Основной показатель — величина интерференции (разница во времени выполнения карт «цветные слова» и «цвет»); дополнительный показатель — мера интегрированности вербальных и сенсорно-перцептивных функций (соотношение времени выполнения карт «цвет» и «слова»). Теоретически ожидаемые субгруппы: на полюсе гибкого контроля — гибкие и неинтегрированные; на полюсе ригидного контроля — ригидные и интегрированные.

При изучении соотношения Р/Г с толерантностью к неопределенности и базовыми убеждениями были выделены четыре субгруппы (кластерный анализ). На полюсе гибкости неинтегрированные по сравнению с гибкими обнаружили более низкие показатели по шкалам толерантности к неопределенности и готовности к риску, а также большую выраженность показателя «Доброжелательность окружающего мира» (все различия значимы на уровне $p < 0,05$) (Юртаева, 2011; Юртаева, Глуханюк, 2012).

Когнитивная простота / когнитивная сложность. Когнитивный стиль «когнитивная простота/сложность» (далее КП/КСл) измеряется с помощью методики «Репертуарные решетки» Дж. Келли (G. Kelly). Основной показатель — мера дифференцированности конструктов (количество факторов, выделившихся в ходе факторного анализа); дополнительный показатель — мера интегрированности конструктов (внутренний критерий в виде тесноты связей между конструктами) либо мера «предметной эффективности» (внешний критерий в виде способности выделять признаки разной степени обобщенности при раскрытии содержания понятий и применять разнообразные стратегии семантизации при описании геометрических фигур; впервые был предложен (Кочарян, 1986)). Теоретически ожидаемые субгруппы: на полюсе когнитивной простоты — обобщающие и когнитивно простые; на полюсе когнитивной сложности — многомерные и компартментализаторы.

В одном из известных нам исследований личностной идентичности при соотнесении традиционного показателя дифференцированности конструктов с показателем предметной эффективности (как индикатора уровня организации понятийного

опыта) удалось выделить четыре субгруппы (кластерный анализ) (Федорова, 2004). У представителей субгрупп многомерных и обобщающих (представители разных полюсов с высокой предметной эффективностью) отмечается преобладание количества социальных ролей, выделяемых в самоописаниях. В свою очередь у когнитивно простых и компартментализаторов (также представителей разных полюсов, но с низкой предметной эффективностью) в структуре идентичности преобладает личностный компонент. Согласно дендрограмме, обобщающие и многомерные респонденты образуют один общий кластер, тогда как компартментализаторы и недифференцированные — другой общий кластер. То есть опять респонденты, находящиеся на крайних полюсах стилевой оси, оказываются сходными по своим личностным свойствам.

Абстрактная/конкретная концептуализация. Когнитивный стиль «абстрактная/конкретная концептуализация» (далее АК/КК) измеряется с помощью «Методики дискриминации свойств понятий», которая включает два независимых измерения:

1) конкретность — абстрактность, отражающее степень дифференциации и интеграции понятий;

2) реалистичность — субъективированность, связанное со степенью стандартности/нестандартности индивидуальной понятийной системы (Плотников и др., 2009; Плотников и др., 2019).

Теоретически ожидаемые субгруппы: на полюсе абстрактной концептуализации — абстрактные/реалистические (ориентация на объективно значимые признаки понятий при их минимуме, прежде всего видовые и родовые отношения) и абстрактные/субъективированные (склонность оценивать признаки понятий при их минимуме на основе произвольных субъективных критериев); на полюсе конкретной концептуализации — конкретные/реалистические (увеличение количества признаков с ориентацией на объективно значимые отношения понятий) и конкретные/субъективированные (при большом количестве признаков имеет место склонность оценивать отношения понятий на основе субъективно значимых признаков).

В серии исследований удалось показать, что полюс абстрактности соотносится с гибкостью, склонностью к риску, эмоциональной стабильностью, умеренной социальной активностью, высокой электрокортикалной активацией фоновой ЭЭГ, симпатической активностью вегетативной нервной системы. Полюс конкретности соотносится с ригидностью, низкой склонностью к риску, эмоциональной нестабильностью, невысокой социальной активностью, низкой электрокортикалной активацией фоновой ЭЭГ, парасимпатикотонией. В свою очередь, полюс субъективированности связан с эмоциональной нестабильностью, меньшей электрокортикалной активацией фоновой ЭЭГ, парасимпатикотонией. Таким образом, по мнению авторов, АК/КК — это квадрипольное измерение, которое, характеризуя словесно-понятийный уровень организации познавательной сферы, захватывает разные уровни психической активности, вплоть до нейронального и вегетативного уровней (Плотников и др., 2019).

Возрастные и образовательные аспекты эффекта расщепления полюсов КС.

Одним из аргументов в пользу существования эффектов расщепления полюсов КС являются возрастные изменения в соотношении основных стилевых субгрупп.

Как свидетельствуют факты, большинство детей в возрасте 6–7 лет являются импульсивными. Тем не менее даже в этом возрасте имеет место расщепление

полюсов И/Р (методика «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана (J. Kagan)) (критерий средних значений): наиболее успешными в учебе и имеющими более высокий уровень интеллекта среди первоклассников являются медленные/точные (рефлексивные) и быстрые/точные дети. Значимо более низкие показатели как по уровню интеллекта, так и в успешности обучения имеют быстрые/неточные (импульсивные) дети, а медленные/неточные дети показывают самые низкие результаты по обоим параметрам (Яблокова, 2021).

При изучении когнитивных стилей ПЗ/ПНЗ и И/Р в младшем школьном возрасте при выделении субгрупп (кластерный анализ) зафиксировано выделение трех, а не четырех субгрупп (выпали субгруппы полезависимые/мобильные и медленные/неточные). Был сделан вывод, что «когнитивные стили в младшем школьном возрасте находятся в стадии формирования и с возрастом можно ожидать изменений в составе и соотношении стилевых субгрупп» (Будрина, 2017, с. 1135).

Изучение эффекта расщепления полюсов КС когнитивная простота/сложность показало, что дифференцированность (количество выделившихся в результате факторного анализа независимых факторов) и интегрированность (количество нагрузок по первому фактору и процент объясняемой дисперсии) индивидуальной системы конструктов по-разному проявляются на трех этапах подросткового возраста (младший, средний, старший). У младших подростков уровень интеллекта положительно связан только с когнитивной дифференцированностью, у средних подростков появляется связь интеллекта с когнитивной интегрированностью, которая усиливается у старших подростков. В младшем подростковом возрасте успеваемость больше связана с когнитивной дифференцированностью, в среднем и старшем подростковом возрасте — с когнитивной интегрированностью (Калинкина, 2008).

Привлекают внимание изменения в характере представленности субгрупп в рамках когнитивных стилей И/Р и УДЭ/ШДЭ в подростковом возрасте в пяти разных классах (5–9-й классы) в зависимости от трех разных моделей обучения (коррекционной, традиционной, обогащающей) (Будрина, 2009). По И/Р к 9-му классу в условиях традиционного обучения преобладали быстрые/неточные (86,7 %) при отсутствии рефлексивных, тогда как в условиях обогащающей модели — быстрые/точные (74,0 %) с появлением субгруппы «рефлексивные» (16,6 %). По УДЭ/ШДЭ к 9-му классу при традиционном обучении в значительной доле были представлены глобалисты (36,8 %) и детализаторы (15,7 %), тогда как при обогащающем обучении преобладали категоризаторы (57,3 %) и дифференциаторы (38,6 %) (Будрина, 2009). Таким образом, в данном исследовании эффект расщепления полюсов КС проявился не только в самом факте наличия стилевых субгрупп, но прежде всего в изменении баланса непродуктивных и продуктивных субгрупп (последние преобладали в случае применения развивающих методов обучения).

Клинические проявления эффекта расщепления полюсов КС. Дополнительные свидетельства психологической неоднородности полюсов КС можно найти в патопсихологических исследованиях. Показатели основных КС в группах больных шизофренией и здоровых респондентов были проанализированы с учетом эффекта расщепления стилевых полюсов с выделением субгрупп (медианный критерий) (Коробова, 2007). В выборке больных преобладали по стилю И/Р — медленные/неточные либо импульсивные; по стилю УДЭ/ШДЭ — детализаторы и глобалисты;

по стилю ПЗ/ПНЗ — полезависимые (как фиксированные, так и мобильные); по стилю Р/Г — ригидные.

Эти результаты были подтверждены в более позднем исследовании психически больных лиц с диагнозом «шизофрения». В выборке больных отмечаются значимые различия по сравнению с контрольной выборкой здоровых людей с точки зрения преобладания следующих стилевых субгрупп: фиксированные/полезависимые (низкий индекс ПЗ/ПНЗ и низкий коэффициент имплицитной обучаемости), ригидные (высокая интерференция и высокая дискоординация вербальных и сенсорных функций), быстрые/неточные (быстрое время принятия решения в сочетании с большим количеством ошибок), детализаторы (большое количество выделенных групп при низком коэффициенте категоризации) (Куликова, 2014).

Проявления когнитивного стиля КК/АК у больных шизофренией и расстройствами шизофренического спектра в состоянии ремиссии характеризовались значимым смещением к полюсу конкретности и полюсу субъективированности (Бельских, 2011). Иными словами, в случае шизофренического дефекта больные люди попадают в субгруппу конкретных/субъективированных.

В последние годы получены интересные результаты в области исследований психосоматики. В частности, женщины, больные псориазом и атопическим дерматитом, сравнительно со здоровыми женщинами (возраст 20–40 лет), достоверно чаще относятся к полюсу полезависимости и полюсу фиксированности (медианный критерий), то есть имеют статус субгруппы полезависимые/фиксированные (Ребеко, 2018). По мнению автора, при деформации восприятия мира деформируется и кожа как базовая граница отношений человека с миром.

В свою очередь на выборке женщин, имеющих проблемы с лишним весом (28–43 года) в связи со склонностью к перееданию, было показано, что в разных субгруппах — быстрые/точные, быстрые/неточные, медленные/точные, медленные/неточные (медианный критерий) — наблюдается разное соотношение Я-реальное, Я-идеальное и Я-отвергаемое. При этом медленные/точные и быстрые/точные характеризовались более высокими показателями адекватности в оценке собственного тела (Ребеко, 2016).

Выводы

Итак, исследования двух последних десятилетий подтверждают существование эффекта расщепления полюсов всех основных КС, согласно которому за одним и тем же количественным стилевым показателем скрываются радикально разные механизмы психической деятельности. Данный эффект проявляется не только в существовании стилевых субгрупп, но и в наличии значимых различий между представителями субгрупп, находящихся на одном и том же полюсе. Значение этих результатов заключается в том, что они позволяют не только понять причину противоречий в традиционных стилевых исследованиях, но и по-новому интерпретировать природу КС.

Во-первых, можно говорить о психологической неоднородности полюсов КС (соответственно и о нелинейности стилевых измерений). Следовательно, нужно менять стратегию изучения КС: от анализа выборки в целом переходить к анализу субгрупп, одновременно используя традиционный и дополнительный показатели

(последний следует взять либо изнутри стилевой методики, либо из другой референтной методики). При этом следует учитывать недостаточность медианного критерия, при котором всегда выделяются четыре субгруппы, и ориентироваться на более корректные результаты кластерного анализа.

Во-вторых, на каждом стилевом полюсе представлены и продуктивные, и непродуктивные субгруппы (их соотношение зависит от специфики выборки), наличие которых определяется индивидуальными различиями в способности к не-произвольному контролю процессов переработки информации (эффективности сканирования видимого поля, перцептивного структурирования, обработки конфликтных стимулов, выбора категориальных признаков и т. д.). Следовательно, о КС как таковых можно говорить только по отношению к представителям продуктивных субгрупп, тогда как стилевые свойства представителей непродуктивных субгрупп — это свидетельство когнитивной незрелости.

Таким образом, причина противоречий в традиционных стилевых исследованиях — это игнорирование гетерогенности выборки и использование линейных методов обработки данных.

Выявление эффектов расщепления полюсов различных КС позволило сформулировать утверждение о том, что КС — это метакогнитивные способности (Холодная, 2002; Холодная, 2018). С такой трактовкой КС согласна М. Кожевникова, которая говорит о том, что тенденцию расщепления можно рассматривать как результат существования суперординантного метастилевого измерения. Метастиль характеризует степень сформированности у определенного индивидуума метакогнитивных механизмов, которые управляют индивидуальной гибкостью в использовании субординантных КС в зависимости от требований ситуации (Kozhevnikov, 2007; Moskvina, Kozhevnikov, 2011). На наш взгляд, правильно говорить не о метастиле, а об общем механизме, обуславливающем специфику проявлений КС, включая эффект расщепления стилевых полюсов, — это механизм непроизвольного контроля процессов переработки информации. Именно необходимость анализа этого важнейшего компонента в структуре интеллекта позволяет говорить о стилевых исследованиях как перспективном научном направлении.

Есть основания утверждать, что эффект расщепления, первоначально обнаруженный в исследованиях КС, имеет универсальный характер, поскольку обнаруживает себя и в других сферах психической деятельности, таких как интеллект, креативность, рефлексия, эмпатия (Холодная, 2020; Холодная, 2022; Холодная, Соловьева, 2024).

Литература

- Александровский А. А. Взаимосвязь когнитивного стиля «Полезависимость — поленезависимость» с механизмами психологической защиты и стратегиями совладания // Вестник Костромского гос. ун-та. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2007. № 4. С. 145–152.
- Бельских И. А. Интегративные механизмы интеллектуальной деятельности человека: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Курск, 2011.
- Богомаз С. А. Когнитивный стиль полезависимость — поленезависимость: индивидуальные различия, обусловленные целеустремленностью // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 4. С. 5–12.

- Будрина Е. Г. Динамика интеллектуального развития подростков в условиях разных моделей обучения // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 4. С. 33–46.
- Будрина Е. Г. Особенности когнитивных стилей импульсивность/рефлексивность и полезависимость/поленезависимость в младшем школьном возрасте // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии / отв. ред. А. Н. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Институт психологии РАН, 2017. С. 1129–1136.
- Вакарев Е. С. Взаимосвязь когнитивных стилей и креативности личности // Проблемы современного педагогического образования. 2015. № 49–1. С. 347–355.
- Васина Н. В., Харитонов А. Е. Особенности организации когнитивного и аффективного компонентов интеллектуальной сферы индивидуальных предпринимателей // Человеческий капитал. 2014. № 5 (65). С. 64–68.
- Волкова Н. Н., Гусев А. Н. Когнитивные стили: дискуссионные вопросы и проблемы изучения // Национальный психологический журнал. 2016. № 2 (22). С. 28–37. <https://doi.org/10.11621/prj.2016.0203>
- Головина Е. В., Скотникова И. Г. Когнитивно-стилевая структура феномена уверенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 4. С. 69–82.
- Дюпина С. А. Когнитивные стили в структуре мнемических способностей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.
- Дюпина С. А. Изучение особенностей личности студентов в рамках расщепления полюсов когнитивного стиля аналитичность/синтетичность // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 1. С. 59–64. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-1-59-64>
- Дюпина С. А. Особенности расщепления полюсов когнитивного стиля аналитичность/синтетичность студентов с разной степенью интернет-активности // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 1. С. 98–104.
- Жердева Л. А. Особенности проявлений когнитивного стиля «импульсивность — рефлексивность» у тревожных школьников (младший школьный и подростковый возраст): дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Калинкина Е. М. Динамика когнитивной сложности познавательной сферы у подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2008.
- Каменецкая Е. В., Ребеко Т. А. Репрезентация телесного Я при нарушении пищевого поведения // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 3. С. 118–128. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2015080311>
- Кибальченко И. А., Подберезный В. В., Забалуева А. И. Структурные особенности творческих способностей студентов вуза с рефлексивным и импульсивным когнитивными стилями // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 3. С. 48–69. <https://doi.org/10.21702/grj.2017.3.3>
- Коробова Е. Л. Когнитивные стили у больных шизофренией: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007.
- Кочарян А. С. Преодоление эмоционально трудных ситуаций общения в зависимости от сложности социальной перцепции: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1986.
- Куликова О. С. Когнитивно-стилевые особенности больных шизофренией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. Вып. 4. С. 101–105.
- Лобанов А. П., Процко Л. А. Когнитивные стили студентов и их взаимосвязь с этическими позициями и эстетической одаренностью // Актуальныя питанні педагогікі і психології. 2022. № 5. С. 48–54.
- Плотников В. В., Северьянова Л. А., Плотников Д. В., Бердников Д. В. Методика дискриминации свойств понятий (МДСП). М.: Когито-Центр, 2009.
- Плотников В. В., Плотников Д. В., Бельских И. А., Северьянова Л. А. Когнитивный стиль «конкретная/абстрактная концептуализация» как интегративный параметр индивидуальности // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 2. С. 66–77. <https://doi.org/10.31857/S020595920004056-7>
- Ребеко Т. А. Структура телесной презентации и когнитивные стили // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 6. С. 26–36. <https://doi.org/10.31857/S20000392-8-1>
- Ребеко Т. А. Полезависимость/поленезависимость у больных атопическим дерматитом и псориазом // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 1601–1607.

- Ткачева Л. О. Психофизиологические показатели осознания смысла текстов в связи с параметрами когнитивного стиля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. Вып. 1. С. 41–53.
- Толочек В. А. Проблема стилей в психологии: Историко-теоретический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2013.
- Федорова Е. В. Взаимосвязь идентичности и когнитивной сложности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.
- Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Холодная М. А. Когнитивная психология. Когнитивные стили. М.: Юрайт, 2018.
- Холодная М. А. Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 3. С. 18–31. <https://doi.org/10.31857/S020595920009342-2>
- Холодная М. А. Светлые и темные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 4. С. 15–26. <https://doi.org/10.31857/S020595920021475-8>
- Холодная М. А., Соловьева Е. В. Конструктивные и деструктивные аспекты эмпатии как следствие ее многомерной природы // Психологический журнал. 2024. Т. 45, № 1. С. 32–45. <https://doi.org/10.31857/S0205959224010038>
- Черемошкина Л. В., Дюпина С. А. Эффективность мнемических способностей в условиях расщепления когнитивного стиля полезависимость/поленезависимость // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 1. С. 108–131.
- Юртаева М. Н. Эффекты когнитивных стилей на проявления личностных характеристик толерантности к неопределенности // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2 (89). С. 214–219.
- Юртаева М. Н., Глуханюк Н. С. Психологические характеристики толерантности человека к неопределенности // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 6. С. 50–59.
- Яблокова А. В. Когнитивные стили в структуре психологической готовности к обучению в школе. Вологда: Вологодский государственный университет, 2021.
- Cools E. A reflection on the future of the cognitive style field: A proposed research agenda // Reflecting Education. 2009. Vol. 5, no. 2, pp. 19–34.
- Kozhevnikov M. Cognitive styles in the context of modern psychology: Toward an integrated framework of cognitive style // Psychological Bulletin. 2007. Vol. 133. P. 464–481. <https://doi.org/10.1037/0033-2959.133.3.464>
- Moskvina V., Kozhevnikov M. Determining cognitive style: Historical perspective and directions for future research // S. Rayner, E. Cools (eds). Style differences in cognition, learning, and management: Theory, research, and practice. New York: Routledge, 2010. P. 19–31. <https://doi.org/10.4324/9780203841853-9>
- Peterson E. R., Rayner S. G., Armstrong S. J. Researching the psychology of cognitive style and learning style: Is there really a future? // Learning and Individual Differences. 2009. Vol. 19. P. 518–523. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2009.06.003>
- Rozencwajg P., Corroyer D. Cognitive processes in the reflective — impulsive cognitive style // The Journal of Genetic Psychology. 2005. Vol. 166 (4). P. 451–463. <https://doi.org/10.3200/GNTP.166.4.451-466>

Статья поступила в редакцию 14 октября 2024 г;
рекомендована к печати 18 ноября 2024 г.

Контактная информация:

Холодная Марина Александровна — д-р психол. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0002-4267-317X>, kholod1949@yandex.ru